

Пятнадцатый год правления императора Чжэньюаня в царстве Сигэн, восьмой день девятой луны. Ливень обрушился на землю, гром и молнии не стихали весь день. Вокруг покоев императора Чжэньюаня метались птицы, шум и крики которых не утихали. Слуги пытались их прогнать, но ничего не получалось.

К полудню на небе появилась осенняя звезда, что было странным явлением. Принцы и принцессы стояли на коленях внутри и снаружи императорских покоев, а врачи и слуги сновали туда-сюда, неся отвары и лекарства. Все, казалось, ждали, когда этот некогда непоколебимый император испустит последний вздох.

Глава Бюро астрономии, едва держась на ногах, подполз к наследному принцу, только что вышедшему из внутренних покоев, и, ударившись лбом о землю, произнес:

— Ваше Высочество, небеса показывают необычные знамения, это предвещает великие перемены!

Наследный принц, которому было всего семнадцать лет, в каждом движении излучал решимость, способную изменить мир. Его юношеский пыл был неукротим.

Услышав это, он взглянул на внутренние покои, лицо его оставалось спокойным, и сказал:

— Действительно, грядут большие перемены. Дядя был великим правителем, и его уход, несомненно, заставит всю страну скорбеть.

Император Чжэньюань, Шэн Цзяньвэй, в возрасте тридцати лет принял бразды правления после своего рано умершего брата, унаследовав разрушенное государство и переполненные гаремы.

Он был жесток в своих методах, действовал решительно и за пять лет создал новую династию Сигэн. За пятнадцать лет своего правления Шэн Цзяньвэй занимался только государственными делами, не посещая гаремов. Вдова предыдущего императора осталась императрицей, наследный принц остался наследным принцем. Казалось, он лишь хотел воспитать достойного преемника для династии Сигэн, и все эти годы успешно играл роль номинального императора.

На небе грянул гром, молния осветила половину неба, и глава Бюро астрономии вздрогнул от страха, склонив голову:

— Такие знамения, похоже, указывают на то, что с Небес Четырех Брахм спустились бессмертные. Его Величество, вероятно, не переживет этой ночи. Ваше Высочество, вам следует заранее подготовиться, все церемонии должны быть проведены лично, чтобы показать вашу искренность. Только так вы сможете благополучно пережить эти дни.

Не успела ночь опуститься, как по всему дворцу раздались громкие удары колокола, возвещающие о кончине императора Чжэньюаня. В этот момент сотни бессмертных журавлей в заднем дворе подняли крик, раскрыв крылья, будто готовясь взлететь. Их пронзительные крики не прекращались, вызывая дрожь у всех, кто их слышал.

Новый император, взойдя на престол, проявил еще большую жестокость, чем Чжэньюань. За полгода он очистил двор от всех, кто поддерживал предыдущего императора, бросив многих министров в тюрьму. Среди них был и его учитель — премьер-министр Хуа Чжаошуй, которого сам Чжэньюань назначил наставником императора.

Хуа Чжаошуй сопровождал Чжэньюаня много лет, с детства они были близки, и он был его

самым доверенным соратником. Новый император, который и так относился к своему дяде с подозрением и неприязнью, не мог терпеть присутствие этого наставника и, естественно, решил избавиться от него.

Хуа Чжаошуй снял свои алое официальное платье с вышитыми бессмертными журавлями и надел серую тюремную робу, после чего был брошен в камеру для приговоренных к смерти. В камере было лишь маленькое окошко, через которое только на закате пробивался слабый луч света, оставляя крошечное пятно тепла в сырой темнице.

В камере царил тишина, и он почти слышал, как где-то капала вода. В этой сырой тьме его сердце, однако, оставалось спокойным. Он думал, что всю свою жизнь вел себя достойно, никогда не имел предательских намерений. Теперь, когда Чжэньюань ушел, он был готов верно служить новому императору, но не ожидал, что станет настолько неугодным, что его обвинят в вымышленном заговоре и бросят в камеру смертников.

Эти дни были невыносимы. Молодой император хотел обвинить его в чем-то, чтобы отправить к Небесному Достопочтенному, не забыв при этом устроить формальный допрос. Хуа Чжаошуй, в своей серой тюремной робе, испачканной кровью, был неузнаваем. Его лицо, которое когда-то притягивало взгляды, теперь было изуродовано.

Когда-то он был учителем наследного принца, а теперь стал узником. Вспоминая былую славу, он понимал, что все это прошло в мгновение ока.

Еда и вино, принесенные тюремщиком, оставались нетронутыми перед ним — сегодня были рыба, мясо и вино, явно последняя трапеза перед казнью.

На столе лежал маленький золотой луч света, единственный источник света в комнате. Хуа Чжаошуй долго смотрел на этот теплый свет, налил себе вина и, подняв бокал, обращаясь к кому-то невидимому, через некоторое время с трудом выдавил улыбку и с горечью произнес:

— Цин Ду, твой племянник — настоящая головная боль.

В это время был разгар весны, и в императорском саду цвели цветы. Новый император наслаждался весенними пейзажами в компании своих наложниц, музыка звучала легко и радостно. Внезапно подул сильный ветер, одежды всех взметнулись, раздались крики удивления, музыкальные инструменты зазвучали беспорядочно, и все едва удерживались на ногах, поддерживая друг друга.

Когда ветер утих, все взгляды обратились на сад, где цветы внезапно завяли, остались только голые стебли, будто за мгновение прошла целая зима.

Новый император с грохотом поставил бокал, его лицо застыло, как лед. Наложницы, уловив его настроение, не смели произнести ни слова, дрожа, стояли рядом.

Евнух подбежал и, упав на колени, торопливо крикнул:

— Ваше Величество! Господин Хуа... скончался.

Это не должно было стать неожиданностью, но сердце императора вдруг сжалось от страха. Вспомнив недавние небесные знамения, он на мгновение не смог подняться, а затем, слегка дрожа, произнес:

— Я пойду взгляну.

Человек в камере смертников выглядел спокойным, будто яд, выпитый им, не причинил ему ни малейшей боли.

Новый император стоял в нескольких шагах, рассматривая своего бывшего учителя, и вдруг почувствовал, как его внутренности содрогнулись. Он больше не мог оставаться здесь.

Он вышел из мрачной тюрьмы, но вдруг из ниоткуда появилась стая воробьев, с шумом взлетевшая из травы, заставив всех пошатнуться. А на земле, пропитанной кровью узника, где раньше была лишь засохшая трава, теперь цвели дикие цветы всех цветов.

*

Небеса Четырех Брахм были окутаны туманом, облака плыли над ними. Платформа для наблюдения за звездами была частично скрыта в этой дымке, и только зеркальный диск с восемью звездами висел над ней — это был Диск Восьми Звезд, способный соединять с миром людей.

На диске загорелись золотые символы, и он начал медленно вращаться. Из него вышел человек, чья грязная тюремная одежда мгновенно исчезла, как только он ступил на Небеса Четырех Брахм. В клубах тумана можно было разглядеть только ветку орхидеи на рукаве его коричневого халата.

Хуа Чжаошуй только что вышел из Диска Восьми Звезд, на его лбу все еще была видна черная дымка, из-за которой он чувствовал, что перед глазами как будто пелена. Он недовольно щелкнул пальцами, чтобы прогнать туман.

Неизвестно, что за зелье ему дал император, но даже после смерти его магическое тело все еще не оправилось.

Видимо, он еще не овладел мастерством в полной мере, так как несколько попыток изгнать черный туман не увенчались успехом.

Пока он размышлял об этом, Звездный Владыка Нин Чжи, управляющий Дискосом Восьми Звезд, внезапно появился из ниоткуда и почти прижался к его лицу.

Хуа Чжаошуй вздрогнул от неожиданности и едва не упал, отшатнувшись назад.

Нин Чжи несколько раз щелкнул языком, затем небрежно отступил на несколько шагов и спокойно сказал:

— Не трать силы. После прохода через Диск Восьми Звезд последствия смерти в мире людей остаются на некоторое время, особенно если это была насильственная смерть. Если хочешь избавиться от этой черноты, иди к своему учителю.

Этот Звездный Владыка, то ли не мог принять человеческий облик, то ли не хотел, то ли просто другие не могли его разглядеть — каждый раз, когда Хуа Чжаошуй видел его, он не мог понять, был ли это седовласый юноша с прищуренными глазами или белый павлин, распускающий хвост.

Хуа Чжаошуй замялся. Он провел на Небесах Четырех Брахм триста лет, но так и не привык к этим маленьким шуткам Звездного Владыки.

Нин Чжи щелкнул пальцами, и Диск Восьми Звезд прекратил свою работу, став обычным

зеркалом, в котором, как ручей, текли отражения людей.

— Твой учитель медитирует у Пруда Расколотого Снега. Чего ты ждешь? Иди к нему.

Хуа Чжаошуй снова заколебался, его лицо выражало неуверенность:

— Учитель видел, что происходило со мной в мире людей?

Нин Чжи, казалось, снова превратился в свою истинную форму, и Хуа Чжаошуй почти почувствовал запах птичьих перьев.

— Ты так боишься, неужели? — Белый павлин облетел его кругом, говоря голосом птицы. — Цветочек, ты боишься, что Цин Ду узнает, как ты назвал его?

Коричневый халат взметнулся вверх, будто взъерошенный, лицо Хуа Чжаошуй покраснело, его глаза, похожие на цветы персика, готовы были стать круглыми от удивления. Он заикаясь произнес:

— Ты... ты не сказал, что в первой беде... учитель придет!

Звездный Владыка, не проявляя сострадания, прогнал его:

— Твой учитель заботится о тебе, боясь, что его неопытный ученик впервые погибнет в Диске Восьми Звезд. А ты еще и на меня обижаешься? Иди уже, Диск закрыт, мне пора пить вино.

В голове Хуа Чжаошуя снова и снова звучало то, как он назвал Цин Ду, и он чуть не превратился в свою истинную форму, чтобы нырнуть в Пруд Расколотого Снега и больше никогда не появляться на глазах у людей.

<http://bllate.org/book/16756/1562692>